

Книга Левитъ.

(Библиологическій очеркъ).

Понятіе „Законъ Моисеевъ“ (Лук. 24, 44), столь неотдѣлимо связанное съ Пятикнижіемъ, едва-ли не самымъ характернымъ и типичнымъ образомъ выражается въ средней книгѣ Пятикнижія—въ книгѣ Левитъ. Эта третья книга Пятикнижія въ принятомъ еврейскомъ текстѣ Библии названа—подобно другимъ частямъ Пятикнижія—по первому слову перваго стиха 1-ой главы וַיִּקְרָא *Вайикра* (*vajikra*, „И возвалъ“), въ преданіи же іудейскомъ она именуется соотвѣтственно главному своему содержанию и основному характеру—а) *торат коханим*, *torath kohanim*, „законъ священниковъ“, поскольку ближайшими и главными исполнителями священныхъ дѣйствій и правилъ, предписываемыхъ этою книгою, являлись священники и левиты; и б)—*торат-корбанот*, *torath-korbanoth*, „законъ жертвъ, приношеній“, поскольку первымъ и важнѣйшимъ пунктомъ законодательства 3-ей книги Пятикнижія являются прежде и болѣе всего жертвы и священныя приношенія вообще. Первому изъ этихъ еврейскихъ традиціонныхъ названій 3-ей книги Пятикнижія соотвѣтствуютъ названія ея въ переводахъ: греческомъ LXX-ти: Λευιτικόν (т. е. *Вѣлѣон*), латинской Вульгатѣ: *Leviticus* (т. е. *liber*) и славяно-русскомъ: „Левитъ“. Всѣмъ этимъ названіямъ присуща та общая мысль, что содержаніе этой священной книги составляютъ, входяція прежде всего въ кругъ обязанностей священнаго Левіина колѣна, отправленія всего,

завѣтнаго богослуженія или культа и вообще богослужебно-обрядовыя формы ветхозавѣтной религіи, съ системою ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній во главѣ.

Книга Левить состоитъ изъ 27 главъ и по содержанію своему можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе пять главныхъ отдѣловъ: 1) о жертвахъ разныхъ видовъ, обрядахъ и способѣ ихъ приношенія (гл. I—VII); 2) о посвященіи ветхозавѣтныхъ священно-служителей и объ обязанностяхъ ихъ служенія (гл. VIII—X); 3) законы ритуальной чистоты, частіе: постановленія о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, о разнаго рода случаяхъ оскверненія и средствахъ очищенія, объ очищенія народа въ его цѣломъ и самаго святилища (гл. XI—XVI); 4) о личной чистотѣ и святости членовъ общества Господня въ жизни семейной и общественной и въ отношеніяхъ народа Божія къ другимъ народамъ (гл. XVII—XX); наконецъ, 5) о святости, порядкѣ и нормальномъ отправленіи богослуженія и культа вообще, о священныя временахъ и праздникахъ, о теократическихъ приношеніяхъ и податяхъ въ пользу святилища и клира (гл. XXI—XXVII).

Какъ видно уже изъ этого краткаго перечня предметовъ содержанія, книга Левить имѣетъ по преимуществу законодательное содержаніе, будучи почти совершенно лишена повѣствовательно-историческаго элемента: если не считать довольно подробнаго разсказа книги Левить о посвященіи Аарона и сыновей его и о началѣ ихъ священнослуженія (гл. VIII—IX), то на всемъ протяженіи книги сообщены лишь два (при томъ не имѣющія существенной связи съ цѣлымъ содержаніемъ всей книги) событія: смерть священниковъ Надава и Авіуда (X, 1—2) послѣ посвященія первосвященника и священниковъ, и—казнь богохульника (XXIV, 10. 14. 23), все же остальное содержаніе книги обнимаетъ разнообразныя теократическія законы, возвѣщенные Яеговою Израилю съ горы Синая (XXV, 1. XXVI, 46. XXVII, 34), преиму-

идеально такъ называемая „Левитскія“, точнѣе—относящаяся къ культовой и ритуальной сторонамъ религіи, постановленія¹⁾.

Основная, главная идея книги Левить, опредѣляющая идею самую сущность ветхоз. теократіи, выражена законодательствомъ въ слѣдующихъ словахъ Вожихъ къ Израилю: „Поставляю

¹⁾ Литература о книгѣ Левить, какъ и о Пятикнижii вообще, очень обширна. Въ святоотеческой письменности толкованію книги Левить посвящены изъяснительныя бесѣды Оригена ((*Migne*, P. gr. t. 15), св. Кирилла Александрійскаго — „Глаголы изъ книгъ Левить, Числь и Вгрозозаконія“ (рус. перев. ч. V), св. Исидора, пресвитера Іерусалимскаго, Комментарій на книгу Левить въ 7 книгахъ (*Migne*, s. gr. 93, coll. 788—1180) блж. Теодорита. Толкованіе на Пятикнижіе Моисеево (русск. перев. твор. ч. I); Вводныя свѣдѣнія о книгѣ Левить имѣются въ Синописахъ (обозрѣніяхъ) священныхъ книгъ— св. Аванасія Великаго (Христ. Чтен. 1843, ч. I) и св. Іоанна Златоуста („Бесѣды на разныя мѣста Священнаго Писанія“, рус. перев. т. I, Сиб. 1861). Въ области еврейской и іудейской письменности по изученію книги Левить слѣдуетъ назвать: D. Midrasch Wajikra rabba, d. i. Haggadische Auslegung des dritten Buches Moses, übertrag v. Dr. A. Wünsche (Leipzig 1884); L. Philippson, Die Heilige Schrift I Th. (Leipzig 1863); R. S. Hirsch, Der Pentateuch, übers. u. erläutert. Frankf. a. M. 1867—1869; J. Salvador, Histoire de Moysse et du peuple hebr., 3 vol. (Paris. 1828) и др. На научно-христіанской, преимущественно западно-европейской почвѣ, съ XVII вѣка по настоящее время, появилось необозримо великое число—сначала главнымъ образомъ толковательныхъ а позже, кромѣ того, критическихъ и апологетическихъ трудовъ о Пятикнижii и въ частности о книгѣ Левить. Таковы, напримѣръ: Iac. Bonfrerii, Pentateuch Mosis, comment. illustratus, Antverp. 1625; Joh. Clerici, Commentar. in Vet. Test., t. I: Pentateuchus, Amstelædamii 1710; Cornel. a Lapide, Commentar t. I: in Pentateuchum, Antverpiæ 1712; A. Calmet, Commentarium litterale... t. I: Pentateuch., Venetiis 1730; Joh. Sever. Vater, Kommentar über Pentateuch, Ed. I—III, Halle 1802—1815; Ern. J. C. Rosenmüller, Scholia in Veteri Testamentum... part. II: in Leviticum, Numeros et Deuteronom. Lipsiæ 1821—1824; I. P. Migne, Scripturæ Sacræ Cursus completus. t. VI in Exodum, in Leviticum et in Numeros commentarius, Parisiis 1839; Mich. Baumgarten, Kommentar zum Pentateuch, Kiel. 1843; Aug. Knobel, Ueber Pentateuch. u. Iosua.. Exodus u. Levit. cus. Leipzig 1857;=bearbeit. v. A. Dillmann, 2 Aufl. 1880=3 Aufl. v. V. Ryssel. 1897; C. F. Keil, Biblischer Commentar über das Alte Testament, Th. I, Bd. II: Leviticus, Numeri u. Deut., 2 Aufl. Leipzig 1870; I. P. Lange, Theologisch-homiletisches Bibelwerk, Th. II: Exodus, Leviticus, Numeri, Bielefeld, u. Leipzig 1874; Ch. I. Burkner, Bibelwerk, Ed. F. Geetz, Leipz. 1859. (Горькіе): H. L. Strack, Die Bücher Genesis, Exodus, Leviticus u. Numeri. Mün-

жилице Мое среди васъ, и душа Моя не возгнушается вами; и буду ходить среди васъ, и буду вашимъ Богомъ, а вы будете

chen 1894; *J. Hummelauer*, Commentarius in Exodum et Leviticum, Parisiis 1897, *A. Bertholet*, Leviticus, Tübingen u. Leipzig. 1901 и др. Изъ трудовъ апологетическаго характера, посвященныхъ защитѣ Пятикнижія противъ возраженій старой литературной библейской критики, противъ возраженій библейскаго рационализма конца XVIII в. и первой половины XIX в., наиболѣе извѣстны и цѣнны. *E. W. Hengstenberg*, Beiträge zur Einleitung in's Alte Testam., Bd. II—III: Ueber Authentie des Pentateuchs, Berlin 1831—1839; *Arnaud*, Le Pentateuch mosaïque, defendu contre les attaques de la critique négative, Paris—Strassburg 1865. Последнее сочиненіе Арно переведено на русскій языкъ подъ редакцію протоіер. *А. П. Владимірскаго* „Защита Пятикнижія Моисеева противъ возраженій отрицательной критики“, Казань 1870.

Новый періодъ въ научной разработкѣ Пятикнижія открылся трудами коринцевъ такъ называемой „исторической“ критики библейской: *E. Berteau*, Die sieben Gruppen Mosaischen Gesetze in den drei mittleren Bücher d. Pentateuchs, Götting. 1840; *E. Reuss*, Die Geschichte der Heiligen Schriften Alten Testam., 2 Aufl; Braunschweig 1890; *K. H. Graf*, Die geschichtlichen Bücher des Alten Testam., Leipz. 1866; особенно же, — *Jul. Wellhausen*, а) Die Composition des Hexateuchs u. der historischen Bücher des Alten Testam., 3 Aufl. Berlin 1899, — б) Prolegomena zur Geschichte Israels, 5 Aufl. Berlin 1899 (переведено на русскій языкъ подъ ред. *Н. М. Никольскаго* „Введеніе въ исторію Израиля“ (пб. 1909); *A. Kuenen*, Historisch-kritische Einleitung in d. Bücher d. Alt. Test., deutsch v. *A. Weber*, Leipz. 1895—1890, *A. Klostermann*, Der Pentateuch, Leipz. 1903, *B. Vaentsch*, Exodus Leviticus 1903 (in Nowack's Handkommentar...) и др. Историческая критика Пятикнижія, выдвинутая теоретиками развитія, вызвала апологію церковно-традиціоннаго возрванія на происхожденіе Пятикнижія и историческую его достовѣрность. Прямыми этого рода литературы могутъ служить: *Rud. Finsler*, Darstellung u. Kritik der Ansicht Wellhausen v. Gesch. u. Religion des A. T., Zürich 1887; коллективный трудъ англійскихъ ученыхъ „Lex Mosaiica and the higher Criticism“, ed. by *R. W. French*, London 1894; *Fr. Hommel*, Altisraeltischen Ueberlieferungen 1897; *Ed. Rupprecht*, Des Rätsels Lösung, I—II, Gütersloh 1896; *C. Hoberg*, Moses u. d. Pentateuch—въ „Biblisch. Studien“, hrsg. v. *O. Bardenhewer* 1905. Соответствующій матеріалъ о книгѣ Левитъ и вообще о Пятикнижіи даютъ „Введенія въ Ветхій Заветъ“, напр. *S. R. Driver* (Berl. 1896), *Holzinger* (Leipzig 1893), *E. König* (Bonn. 1893), *F. Bleek*—*I. Wellhausen* (Berl. 1896), *C. H. Cornill* (Freil. 1896), *W. W. Baudtssin* (Leipz. 1901), *Fr. Kaulen—G. Hoberg* (Freiburg im Breisgau 1911) и др. — а также библейскіе и общіе богословскіе словари. *W. Smith*, v. II (London 1863), p. 109—115; *I. Hastings*, v. III (Edinburg 1900), 102—109; *T. K. Cheyne—S. S. Black*, v. III (Lond. 1902), 2776—2793; The Jewish Encyclopedia, ed. *J. Singer*, v. VIII (New York and London 1904), 50—55; *Herzog—Hauck*, K. E. XV² (Leipz. 1904) Art. „Pentateuch“, p. 113—124 и др.

Моимъ народомъ“ (Лев. XXVI 11—12), и состоятъ, такимъ образомъ, въ образованіи изъ Израиля общества Цивилови (церкви, евр. *кагал*, *эда*, греч. *ἐκκλησία*), которое—въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ своихъ членахъ—стояло бы, въ силу обща-

Русская литература о книгѣ Левитъ. А) Общія, вводныя и апологетическія свѣдѣнія и данныя о книгѣ Левитъ содержатся въ трудахъ: *Митр. Киевск. Арсенія*, Введеніе въ Священныя книги Ветхаго Завѣта (изъ лекцій, читанныхъ въ Спб. Дух. Академіи въ 1823/25 г.г. Кіевъ, 1873; Митр. Москов. Филарета, изъ академическихъ чтеній—О пятокнижій Моисеевомъ (Чтен. Общ. Любит. дух. просвѣщ. ч. XVШ (М. 1880), ч. 1, 603 сл.); *Еп. Михаила (Лузина)*, Библейская наука. книга II: Пятокнижіе Моисеево, изд. подъ ред. *Н. И. Троицкаго*. Тула 1899; *проф. А. А. Олесницкаго*, Руководственныя о Священномъ Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта свѣдѣнія изъ твореній святыхъ оо. и учителей Церкви. Спб. 1894; *проф. прот. А. С. Царевскаго*, Пятокнижіе Моисеево (написано подъ вліяніемъ упомянутаго сочиненія Арно)—въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад.“ 1889 (№№ 2, 6, 8, 12); *проф. прот. Ф. Я. Покровскаго*, „По поводу возраженій современной критики противъ существованія Моисеева закона равѣ древнѣйшихъ пророковъ-писателей“—въ „Труд. Кіев. Дух. Акад.“ 1890 (№ 1). „Библейская энциклопедія“ *Архим. Никифора*; вып. II (М. 1892), „Еврейская энциклопедія“ подъ ред. *А. Гаркави и Л. Кацнельсона*. т. X стр. 174. (Спб. 1911) *Ф. Вигуру*, Руководство къ чтенію и изученію Библии. Т. I, переводъ *свящ. В. В. Воронцова*. Москва 1897. *А. А. Жданова*, Изъ чтеній по Священному Писанію Ветхаго Завѣта. Вып. I. Подъ редакцію и съ примѣчаніями *проф. свящ. Д. В. Рождественскаго*. Сергіевъ Посадъ 1914.

Б) По истолкованію книги Левитъ: *прот. М. И. Хераскова*, Руководство къ послѣдовательному чтенію Пятокнижія Моисеева, Владиміръ на Клязьмѣ 1875; *Г. К. Власова*, Священная лѣтопись, т. II. Вторая и третья книги Моисеева Исходъ и Левитъ. Изд. 2-е, Спб. 1878; *проф. прот. А. А. Глазалева*, Комментарій на книгу Левитъ—въ „Толковой Библии“ изд. при „Странникѣ“ Спб. 1904.

В) Отдѣльныя ученые изслѣдованія и монографіи по предметамъ содержанія книги Левитъ: *Иеромон. (послѣ Еп.) Гедеона*, Археологія и символика ветхозавѣтной жертвы Кіевъ. 1888; *прот. Г. И. Титова*, Исторія священства и левитства ветхозавѣтной церкви. Тифлисъ 1878; *проф. прот. Е. А. Малова*, Моисеево законодательство по ученію Библии и по ученію Корана Казань 1890. *Проф. Г. Минха*, Проказа и песь. Кіевъ 1896; *проф. С. А. Терновскаго*, Праздникъ Кушей, Казань 1898. *Приклонскаго*, Ветхозавѣтное Первосвященство, Казань 1901; *М. П. Кобрина*, День Очищенія въ Ветхомъ Завѣтѣ, Холмъ 1902. *Прот. Гр. М. Ключарева*, Исторія ветхозавѣтн. священства до заключенія завета, Ставрополь губ. 1903, *Проф. И. Г. Троицкаго*, Библейская Археологія. Спб. 1913, и друг.

щенія и святости своей, въ тѣсномъ жизненномъ, религиозно-нравственномъ общеніи съ Богомъ. Въ приведенныхъ выше словахъ книги Левитъ (XXVI, 11—12) столь точно и существенно выражена мысль о богообщеніи Израйля и его отдѣльныхъ членовъ, что св. Апостолъ Павелъ, поучая христіанъ всецѣлой вѣрности Богу и Христу и совершенной святости богообщенія, мысль эту выражаетъ именно этими словами изъ книги Левитъ (2 Корине, VI, 16). Эта идея неразрывнаго жизненнаго общенія Израйля и отдѣльныхъ его членовъ съ Богомъ проходитъ чрезъ всю книгу Левитъ и является объединяющею связью всѣхъ перечисленныхъ выше отдѣловъ книги, находя въ каждомъ частномъ отдѣлѣ ея лишь своеобразное выраженіе примѣнительно къ содержанію послѣдняго. Такъ, прежде всего первый и важнѣйшій отдѣлъ книги, излагающій законы и постановленія о жертвахъ (гл. I—VII), весь проникнутъ единою мыслью о взаимообщеніи Израйля и отдѣльныхъ евреевъ съ Богомъ—взаимообщеніи, нарушенномъ и нарушаемомъ грѣхами людей, но возстановляемомъ богоустановленными жертвоприношеніями разныхъ видовъ. Краткій, но исчерпывающій перечень послѣднихъ мы найдемъ въ заключительныхъ словахъ этого отдѣла: „Вотъ законъ (*аттора*) о всесожженіи (*лаола*), о приношеніи хлѣбномъ (*ламминха*), о жертвѣ за грѣхъ (*лахатат*), и о жертвѣ повинности (*лаашам*), и о жертвѣ посвященія (*ламмилауим*), и о жертвѣ мирной (*лезевах гаишеламил*), который далъ Господь Моисею на горѣ Синаѣ, когда повелѣлъ сынамъ Израйлевымъ, въ пустынѣ Синайской, приносить Господу приношенія ихъ (*леахрив корбанейел ла-Иегова*)“ (Лев. VII, 37—38). И здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ книги Левитъ (II, 1. 4. 12. 13. VII, 13. IX, 7. 15) и вообще въ законодательствѣ Моисеевомъ (Числ. VII, 3. XXXI, 50), основнымъ или родовымъ признакомъ въ понятіи о жертвѣ является идея *дара*: всякая жертва Богу есть прежде всего даръ, *קרבן*, *корбан*, челоѵка Богу. Таково и новозавѣтное объясненіе

ніе этого термина (Марк. VII, 11: *κορβάν*, ὄψεσι δῶρον; слав.: корванъ, еже есть даръ), а равно таково же пониманіе его у Иосифа Флавія (*Иудейскія Древности* IV, 4: 4: *δῶρον τοῦτο σφαιραῖαι*). При этомъ въ каждой жертвѣ предъ Богомъ, Который, какъ Творецъ и Владыка вселенной и человѣка, не имѣеть нужды ни въ какомъ человѣческомъ даяніи (1 Цар. XV, 22. Цс. XLIX, 8. Ис. I, 11—18 и др.), даръ человѣка имѣеть цѣну не самъ по себѣ, а лишь какъ выраженіе внутренняго настроенія человѣка: стремленія его къ всецѣлому посвященію себя и всего своего Богу, чувства всецѣлой преданности человѣка Богу, сознанія имъ повинности предъ Богомъ, поканія богообщенія, чувства благодарности и под. По разъясненію раввина Абарбанела, терминъ *корбан* имѣеть двойственный или обоюдный смыслъ, выражая, что 1) жертва *приносится* на жертвенникъ и 2) что она *приводитъ, приближаетъ* человѣка къ Богу (таково, дѣйствительно, значеніе гл. *קָרַב*, *карав*, въ его гифильной формѣ). Первый изъ этихъ признаковъ—вознесеніе жертвы на жертвенникъ, фактическое потребление жертвы огнемъ, отличаетъ собственно жертвоприношеніе отъ всякаго рода приношеній и даровъ святилищу, также именуемыхъ терминомъ *корбан*, каковы, напр. начатки первыхъ плодовъ земли (Лев. II, 12) или пожертвованія изъ военной добычи (Чис. XXXI, 50). Второй же признакъ выражаетъ идеальную цѣль всякой жертвы—символически и таинственно изображать возстановленіе общенія падшаго человѣка съ всесвятымъ Богомъ. Это благодатное общеніе ветхозавѣтнаго человѣка съ Богомъ въ жертвоприношеніяхъ проходило разныя степени и формы,—то выражая идею всецѣлаго, полного и безраздѣльнаго подвященія духовно-тѣлесной природы человѣка Богу—во всеожженіи, то символизировавъ очищеніе, заглаженіе и прощеніе грѣховъ и преступленій приносящаго жертвы грѣха и повинности, то означая идею самаго тѣснаго общенія любви человѣка съ Иеговою—въ жертвѣ мира или спасенія. Именно соединявшаяся только съ

этою послѣднею жертвою трапеза нагляднѣйшимъ образомъ представляла благо общенія вѣрующаго съ Богомъ и съ ближними, почему она и называется веселиемъ предъ лицомъ Іеговы (Втор. XII, 12. 18). Указывая на объединяющую силу жервеннаго пиршества, Апостоль говоритъ коринтскимъ христіанамъ: „посмотрите на Израиля по плоти: тѣ, которые ѣдятъ жертвы, не участники-ли жертвенника?“ (1 Кор. X, 18), и беретъ эту силу жертвъ ветхозавѣтныхъ, какъ образъ единенія вѣрующихъ христіанъ въ таинствѣ причащенія (*тамъ-же*, ст. 17). Сакраментальная сторона жертвоприношенія выражается въ названіи той или иной жертвы „хлѣбомъ Божиимъ“ (*лехем-Элотим*), „хлѣбомъ Господнимъ“ (*лехем-Іегова*) (Лев. III, 11. 16. XXI, 6. 8. 17. 22. XXII, 25) или „благоуханіемъ пріятнымъ Господу“ (*реах нихоах ла-Іегова, ריח עֲוֹבִיחַ אֶת יְהוָה, odor suavitatis Domino*) (Лев. I, 9. 13. 17. II, 2. 9 и др.), чѣмъ, конечно, выражается благоволительное принятіе Іеговою не матеріальной сущности жертвъ, а того вѣрующаго и благоговѣйнаго настроенія, съ какимъ ветхозавѣтный членъ царства Божія приступалъ къ жертвеннику Господню. Благоволительное принятіе Іеговою жертвы иногда выражалось и внѣшнимъ, притомъ разительнымъ и чудеснымъ образомъ—въ ниспосланіи Господомъ сверхъестественнаго огня на приготовленную на жертвенникѣ жертву (Лев. XI, 24, см. 3 Цар. XVIII, 38). Въ жертвенномъ же пиршествѣ при жертвѣ мира или спасенія со всею силою выступала трапеза завѣта, пиръ любви и радости, изображавшій не только пріискреннее общеніе вѣрующихъ между собою и съ Іеговою, но и будущее блаженство Царства Божія (срав. Лук. XIV, 15).

Та же идея общенія Бога съ Израилемъ выражается и во второмъ отдѣлѣ книги Левитъ (гл. VIII—X), разсказывающемъ о посвященіи Аарона въ первосвященника и сыновъ его—въ священники,—особенно въ словахъ Господа, передаваемыхъ Моисеемъ Аарону и выражающихъ сущность

ветхозавѣтнаго священства: „въ приближающихся ко Мнѣ освящусь и предъ всѣмъ народомъ прославлюсь“ (Лев. X, 3). Здѣсь ясно выражена мысль, что то всеобщее, всенародное священство, къ которому былъ предназначенъ Израиль (Исх. XIX, 6), составляло лишь идеаль, необходимымъ условиемъ достижения котораго было законное, богоустановленное священство (Исх. XIX, 22).

Съ новой стороны и съ особенною силою выступаетъ идея религіознаго жизненнаго общенія между Богомъ и Израилемъ въ слѣдующемъ, третьемъ отдѣлѣ разсматриваемой книги (гл. XI—XV). Для того, чтобы на самомъ дѣлѣ быть богоизбраннымъ обществомъ Іеговы, Израиль долженъ былъ оберегаться отъ разныхъ видовъ такъ называемой ритуальной нечистоты: 1) отъ употребленія въ пищу нечистыхъ животныхъ (XI гл.); 2) отъ нечистоты, связанной съ актомъ дѣлорожденія и вообще съ половую жизнью женщинъ и мужчинъ (гл. XII и XV); 3) отъ нечистоты проказы (гл. XIII—XIV), и 4) болѣе всего отъ оскверненія прикосновеніемъ къ трупу человѣка или животнаго,—нечистоты смерти (Лев. XI, 33 гл. XIX, 11—22). „Потребность въ ритуальномъ очищеніи для ветхозавѣтныхъ людей создавалась сознаниемъ ими своего грѣховнаго состоянія, дѣйствія какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ окружающемъ мірѣ послѣдствій первороднаго грѣха... Законодатель, стремившійся направить жизнь еврейскаго народа по началамъ, указаннымъ Творцомъ, далъ рядъ постановленій, посредствомъ которыхъ ограждалась жизнь общества Израилева отъ губительнаго дѣйствія грѣховной скверны и заразы. Но не удовлетвовавшись одними этими постановленіями, имѣвшими значеніе чисто внѣшнихъ, санитарныхъ мѣропріятій, законодатель въ то же время стремился указать на коренную причину внѣшней скверны и нечистоты, на дѣйствіе первороднаго грѣха, и на внутреннюю необходимость устранения оной, а посему далъ рядъ постановленій ритуальнаго характера, цѣлью которыхъ служило указать

на необходимость внутренней борьбы со грѣхами и на потребность сверхъестественныхъ средствъ для возрожденія и очищенія человѣка, другими словами, на потребность очистительной жертвы Сына Божія, имѣвшаго сокрушить главу виновника грѣхопаденія (Быт. III, 15) и грѣховной скверны, т. е. діавола (Евр. II, 14)¹⁾. Физическая нечистота извѣстнаго круга предметовъ и опредѣленной области явленій естественно служила для Израиля образомъ или символомъ нечистоты нравственной, и удаленіе отъ всякихъ видовъ нечистоты вещественной становилось символомъ нравственнаго очищенія и святости. Иегова, Святой Богъ Израиля, требуетъ отъ него святости, и именно потому воспрещаетъ ему употребленіе въ пищу и даже простое соприкосновеніе съ нечистою пищею или ритуально-нечистыми предметами: „Я—Господь, Богъ вашъ: освящайтесь и будьте святы, ибо Я (Господь Богъ вашъ) святъ; и не оскверняйте душъ вашихъ какимъ-либо животнымъ, ползающимъ по землѣ, ибо Я—Господь, выведшій васъ изъ земли Египетской, чтобы быть вашимъ Богомъ, итакъ, будьте святы, потому что Я святъ“ (Лев. XI, 44—45). На обязанности священниковъ и вообще Левитина колѣна лежала непремѣнная забота о соблюденіи израильскими всѣхъ законовъ о чистотѣ: „такъ предохраняйте сыновъ Израилевыхъ отъ нечистоты ихъ, чтобы они не умерли въ нечистотѣ своей, оскверняя жилище Мое, которое среди нихъ“ (Лев. XV, 31). И вотъ однажды въ году—въ великій „день очищенія“ (евр. *йом-каиппурим*, LXX: ἡμέρα ἐξηλάσεως, Vulg.: dies expiationum) 10 числа мѣсяца тисри (Лев. XVI; XXIII, 27 XXV, 9) совершалось всеобщее очищеніе отъ грѣховныхъ сквернъ не только всего народа, но и самаго святилища. XVI глава книги Левитъ, изображающая обряды дня очищенія, образуетъ центръ всей книги Левитъ по тѣмъ

¹⁾ Проф. И. Г. Троицкій. Виблейская Археологія. Спб. 1913, стр. 466—467.

чрезвычайно важнымъ религіознымъ идеямъ, которыя выражаются въ институтѣ дня очищенія, каковы: а) фактъ несообщей и разнообразной грѣховности и нечистоты предъ Богомъ самого избраннаго народа; б) необходимость періодическаго очищенія грѣховъ народа, приравнявшихся даже къ самому святилищу; в) средство для очищенія: всенародное покаяніе и сокрушеніе народа во главѣ съ первосвященникомъ о грѣхахъ своихъ, съ опредѣленнымъ жертвеннымъ ритуаломъ и, наконецъ; г) проникающая весь обрядъ мысль о заглаженіи людскихъ грѣховъ единственно благостію и милосердіемъ Іеговы. „Ибо въ сей день очищаютъ васъ, чтобы сдѣлать васъ чистыми отъ всѣхъ грѣховъ вашихъ, чтобы вы были чисты предъ лицомъ Господнимъ... Очищать же долженъ священникъ, который помазанъ и который посвященъ... и очистить Святое Святыхъ и скинію собранія и жертвенникъ очистить, и священникъ и весь народъ общества очистить“ (Лев. XVI, 30. 32—33). Это исключительное совершеніе первосвященникомъ священнослуженія дня очищенія имѣло глубокой прообразовательный смыслъ. По замѣчанію блаж. Теодорита, „сіе прообразуетъ домостроительство по плоти Спасителя нашего. Ибо какъ архіерей, единою въ лѣто входя во Святое Святыхъ, совершалъ сіе священнослуженіе; такъ, по слову божественнаго Апостола, Владыка Христосъ, единожды претерпѣвъ спасительное страданіе, восшелъ на небо, *вѣчное искупленіе обрѣтый*“ (Евр. IX, 12) (Толкованіе на книгу Левить, вопр. и отв. 22). Только при свѣтѣ религіозно-символическаго и прообразовательнаго пониманія законовъ книги Левить могутъ быть удовлетворительно, въ согласіи съ основою идеею всей книги, поняты отдѣльныя предписанія книги о чистотѣ, какъ основной нормѣ жизни какъ цѣлаго теократическаго общества, такъ и cadaго изъ его членовъ. Напротивъ, явно неприемлемы рачіоналистическія объясненія законовъ книги Левить о ритуальной чистотѣ—въ смыслѣ постановленій

чисто санитарнаго или даже полицейскаго свойства (Михаэлисъ и др.) или въ смыслѣ переживаній изъ первобытнаго культа тотемовъ или духовъ (Гайлоръ, Мэнъ и др.). Лишь то возрѣніе, что физическая чистота и опрятность предписаны были Израилю только какъ образъ и предуказаніе высшей духовно-нравственной чистоты, даетъ исчерпывающее объясненіе загадочныхъ и непонятныхъ безъ того частыхъ требованій чистоты всѣхъ видовъ. Для уясненія связи между физической чистотою и духовною святостію, одновременно требуемыхъ книгою Левитъ отъ евреевъ, имѣетъ нѣкоторое значеніе толкованіе законовъ ритуальной чистоты у Маймонида. По его мнѣнію, Тора, приучая человека быть въ извѣстной мѣрѣ разборчивымъ въ выборѣ пищи, заставляя его отказываться отъ нѣкоторыхъ родовъ ея, вопреки чувству голода, регулируя разными предписаніями и ограниченіями его половыя отношенія, имѣла въ виду всѣмъ этимъ воспитать въ немъ самообладаніе, воздержаніе и умеренность и сдѣлать его, такимъ образомъ, болѣе воспримчивымъ къ этическимъ началамъ въ жизни (Moses Nevošim, 33). Равнымъ образомъ удобоприемлемо мнѣніе, что законы ритуальной чистоты, въ частности и ограниченія относительно пищи, имѣли отчасти цѣлю обособить евреевъ отъ языческихъ народовъ и общенія въ культовыхъ обрядахъ послѣднихъ (ср. Лев. XIX, 25—26).

Требованія святости отъ сыновъ Израиля во всемъ укладѣ ихъ жизни проникаютъ и всю остальную часть книги Левитъ (гл. XVII—XXVII), не безъ основанія называемую у западныхъ библеистовъ „законами о святости“ (Heiligkeitsgesetze). Мысль законодателя здѣсь постоянно обращается къ Богу, какъ верховному Царю и Владыкѣ ветхозавѣтной теократіи, и къ завѣтнымъ отношеніямъ и обязательствамъ въ отношеніи Его сыновъ Израиля. Съ этою цѣлю Богъ, обращаясь къ Израилю, требуетъ отъ него: „соблюдайте заповѣди Мои и исполняйте ихъ. Я Господь. Не безчестите

святаго имени Моего, чтобы Я былъ свѣтымъ среди сыновъ Израилевыхъ. Я Господь, освящающій васъ, который вывелъ васъ изъ земли Египетской, чтобы быть вашимъ Богомъ: Я Господь“ (Лев. XXII, 31—33). Эти заветныя отношенія Бога и Израиля прежде всего выражались въ жертвахъ, приносимыхъ евреями, и въ правильномъ, заветномъ отношеніи ихъ къ крови; поэтому глава XVII-я говоритъ объ обязанности совершать закланіе жертвенныхъ животныхъ только у входа Скинии (ст. 1—9) и содержитъ рѣшительное запрещеніе употребленія крови въ пищу (ст. 10—14). Вѣрность же евреямъ истинному культу должна была сопровождаться какъ личною, такъ и семейною доброю нравственностью членовъ завета: о чистотѣ и святости членовъ народа Божія, личной, семейной, общественной и въ отношеніяхъ къ другимъ народамъ говорятъ главы XVIII—XX. Корень и основа этого рода чистоты и святости заключались въ нормальномъ и соответствующемъ вождѣ Божіей совершенія Богослуженія и всего вообще культа. Поэтому въ слѣдующихъ главахъ XXI и XXII подробно изображены требованія безпорочности, чистоты и святости ветхозавѣтныхъ священно-служителей изъ колѣна Левина, а также (XXII, 19 слѣд.) подробныя же указанія о недопустимости извѣстныхъ физическихъ недостатковъ у жертвенныхъ животныхъ; въ дальнѣйшей же главѣ XXIII столь же подробно начертанъ уставъ священныхъ временъ или праздниковъ, установленныхъ Иеговою у Израиля, въ воспоминаніе великихъ дѣлъ Божіихъ въ начальной исторіи Израиля, какъ народа Божія,—таковы: Суббота, Пасха, Пятидесятница, праздникъ трубнаго звука, день Очищенія, праздникъ Кущей. Глава XXIV-я въ первой половинѣ (ст. 1—9) излагаетъ законоположеніе о неугасимомъ горѣніи елея въ свѣтильникѣ Святилища и о хлѣбахъ предложенія въ немъ же, во второй же части (ст. 10—23) содержитъ рассказъ о судѣ и казни надъ хулителемъ имени Иеговы, а также упоминаетъ нѣсколько наказаній за другія

тяжкія преступленія противъ основъ теократіи и естественнаго нравственнаго закона. Глава XXV содержитъ подробное изложеніе закона о годѣ субботнемъ (ст. 2—9) и о годѣ юбилейномъ (ст. 10—55),—этихъ своеобразныхъ и величественныхъ институтахъ ветхозавѣтной теократіи. Глава XXVI посвящена раскрытію условий цѣлости завѣта и теократіи и содержитъ: а) подтвержденіе заповѣдей богопочтенія (ст. 1—2); б) обѣтованіе Израилю благъ матеріальныхъ и духовныхъ за исполненіе заповѣдей Господнихъ (ст. 3—13) в) угрозы за нарушеніе ихъ (ст. 14—39), наконецъ, г) начертаніе послѣдующихъ судебъ Израиля (ст. 40—46). Заключительная глава XXVII трактуетъ о теократическихъ отношеніяхъ Израиля святилищу Іеговы, какъ Верховнаго Царя Израиля, и Его служителямъ—священникамъ и левитамъ. Такимъ образомъ, начинаясь законоположеніями о жертвахъ Израиля Іеговѣ, книга Левитъ и заканчивается раскрытіемъ идеи посвященія народомъ и его отдѣльными членами всего лучшаго алтарю Господню и его служителямъ—коѣнну Левитину. И въ началѣ книгѣ и въ ея концѣ, равно какъ и на всемъ ея протяженіи раскрыта одна идея всеобъемлющаго нравственнаго общенія Израиля съ Богомъ и религіознаго его посвященія въ этомъ завѣтѣ.

Но помимо этой прямой задачи теократіи—очищенія и освященія членовъ народа Божія въ жизни религіозной, гражданской и бытовой, законы книги Левитъ по преимуществу имѣли быть „тѣнію и образомъ грядущихъ благъ“ (Евр. X, 1) Новаго Завѣта,—служить постепенному приготовленію Израиля и благъ Его царства. Эту символично-типологическую и сотеріологическую сторону содержанія книги Левитъ съ особенною силою выдвигали и раскрывали съ исчерпывающею полнотою и подробностью святые Отцы и учителя Церкви. Такъ, св. Іоаннъ Златоустъ даетъ общее руководящее начало къ такому пониманію законоположеній книги Левитъ. „Изъ заповѣдей Моисея, говоритъ онъ, однѣ

даны сами по себѣ, а другія для чего-то иного: напримѣръ, познавать Бога, не убивать, не прелюбодѣйствовать, заповѣдано по причинѣ происходящей отсюда пользы; а приносить жертвы, воскурять еиміамъ, соблюдать субботы и проч. заповѣдано не просто для того, чтобы это только было совершаемо само по себѣ, но чтобы чрезъ исполненіе этого люди отклонялись отъ служенія бѣсамъ. Но такъ какъ іудей жертвоприношенія совершали, а пользы отъ нихъ не получали, но еще привязывались къ бѣсамъ, то Богъ справедливо отвергаетъ и самыя жертвы. Такъ и то дерево справедливо вырубають, которое имѣетъ листья и вѣтви, а плодъ не приноситъ, потому что земледѣлецъ всячески заботится о растеніи не для коры и ствола, но для получения плодовъ... Онъ (Богъ) требуетъ не вещества даровъ, но расположенія приносящихъ... Онъ не отвергаетъ ничего необходимаго, но то, чтó отмѣнялъ и Христосъ, пришедши на землю¹⁾. Здѣсь выражено общее святоотеческое воззрѣніе, по которому обрядовый законъ Моисеевъ имѣлъ педагогическую цѣль и прообразовательное значеніе. Собственно въ отношеніи книги Левить блаженный Иеронимъ замѣчаетъ, что въ этой книгѣ всѣ подробности, не только отдѣльныя жертвы, но даже почти всѣ элементы отражаютъ небесныя таинства (*in Levitico singula sacrificia, imo singula pene syllaba et vestes Aaron et totus ordo Leviticus coelestia sacramenta spirant. Epist. CIII ad Paulin., cf. Prologus galeatus*). Въ особенности же проходящая чрезъ всю книгу Левить коренная противоположность грѣха и преступленія съ одной стороны, прощенія отъ Бога, заглажденія грѣховной нечистоты и виновности и освященія человѣка—съ другой стороны болѣе всего должны были возводить мысль Израиля къ грядущему Спасителю

¹⁾ Творенія святаго отца нашего Іованна Златоустаго въ русск. переводѣ. Толкованіе на книгу Пророка Исаи, гл. I, § 5. Спб. 1900, т. VI, кн. 1, стр. 15.

міра и къ Его искупительному дѣлу. Съ этой точки зрѣнія объясняетъ всѣ отдѣльныя черты содержанія книги Левить св. Кирилль Александрійскій въ своихъ „Глагола“ или „искусныхъ объясненіяхъ избранныхъ мѣстъ изъ книги Левить“¹⁾. „Зелены класы (кѣбра) (Лев. II, 14), говоритъ напр. этотъ св. отецъ,—означаютъ муку изъ овощей, а какъ прообразъ, имѣютъ значеніе таинства Христова. Именно—Онъ есть жертва за насъ, перворожденіе духовное, т. е. начатокъ чело-вѣчества, первенецъ изъ мертвыхъ, первый въ нетлѣніе, какъ бы начатокъ усопшихъ, подобно тому, какъ пшеничное зерно, упавшее на землю и умершее, возрождается съ многимъ плодомъ въ видѣ колоса“ (ср. Іоан. XII, 24)²⁾. „Сказанное о жертвѣ (Лев. III, 1—6) должно быть относимо къ самому Еммануилу: Онъ есть телець убитенный, безпорочная жертва, вземлющій на Себя грѣхъ міра и какъ бы закалаемый за насъ подъ видомъ козла; ибо козель по закону закалается за грѣхъ... Закалалось же жертвенное животное предъ самыми священными дверями, потому что Еммануиль умеръ какъ-бы открывая намъ входъ во Святаѣ Святыхъ, и вѣрующимъ въ Него отверзая двери высшей и небесной Церкви“³⁾. „Примѣчай, какъ зараженный проказою приводится къ жрецу (Лев. XIV, 1 слѣд.), находящемуся внѣ вратъ и весьма далеко отъ стана. Такъ и къ намъ, какъ бы изверженнымъ и пребывающимъ внѣ святаго и священнаго града, т. е. Церкви Божіей, нося подобіе наше, пришелъ Христосъ и посѣтивъ насъ содѣлалъ насъ чистыми чрезъ святое крещеніе и чрезъ Свое тѣло“⁴⁾. „Такимъ образомъ—заключаетъ Св. отецъ свое толкованіе книги Левить,—при помощи безчисленныхъ весьма ясныхъ образовъ законъ преподавалъ намъ Таинство Христа“⁵⁾.

¹⁾ Творенія Святаго Кирилла Александрійскаго въ русск. перево-дѣ. ч. V (М. 1887), стр 177—229.

²⁾ Стр. 179.

³⁾ Стр. 183—184.

⁴⁾ Стр. 198.

⁵⁾ Стр. 229.

Вообще, проходящая чрезъ всю книгу *Левитъ* основная противоположность грѣха, преступленій и непокорности челоуѣка предъ Богомъ, съ одной стороны, и прощаній и милости Божей къ челоуѣку и освященій челоуѣка общими установленными священнодѣйствіями—съ другой, и составляютъ основу ветхоз. теократіи, болѣе всего должна была возбудить мысль ветхозавѣтнаго челоуѣка и всего Израиля къ Прудущему Спасителю и Его искупительному дѣлу. Отсюда очевидны непреходящія важность и значеніе книги *Левитъ* и въ Христіанской Церкви во всё времена ея земного воинствованія.

Вопросъ *о времени написанія* книги *Левитъ* и объ ея писателѣ разрѣшается частію изъ внутреннихъ свидѣтельствъ самаго Пятикнижія и самой книги *Левитъ*, частію на основаніи свидѣтельствъ Новаго Завѣта и древнеіудейскаго и христіанскаго преданія. Если по книгѣ *Исходъ* (XL, 17), Скиния Моисеева была сооружена и поставлена въ первый день перваго мѣсяца втораго года по исходѣ евреевъ изъ Египта; если, затѣмъ, все содержаніе книги *Левитъ* было сообщено Моисею Богомъ изъ Скинии собранія (Лев. I, 1; ср. XXV, 1. XXVI, 46. XXVII, 34), а слѣдующая книга *Числъ* начинается (I, 1) упоминаніемъ о событіи (народосчисленіи) втораго мѣсяца втораго года по исходѣ евреевъ изъ Египта, то первый мѣсяць втораго года по исходѣ изъ Египта и является опредѣленною хронологическою датой написанія книги *Левитъ*. Писателемъ же этой книги, какъ и всего Пятикнижія вообще,—по твердому и согласному свидѣтельству преданія іудейскаго (*Иосифа Флавія*, *Contra Apionem* 1, 8 и Талмуда, *Baba Batra* 15a) и христіанскаго (*Евсевія*, Церк. Истор. IV, гл. 26), былъ великій Боговидецъ, пророкъ и Законодатель Израиля Моисей. Взглядъ древнееврейской синагоги на происхожденіе книги *Левитъ* отъ Моисея выражаетъ и своимъ авторитетомъ утверждаетъ св. Апостолъ Павелъ, который, приводя слова книги *Левитъ* (XVIII, 5), усволяетъ ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всю книгу *Левитъ* Моисею,

какъ писателю: „Моисей пишетъ о праведности отъ закона: „исполнившій его человекъ живъ будетъ имъ“ (Рим. X, 5). Происхожденіе отдѣльныхъ законовъ обрядоваго или нравственнаго свойства, содержащихся въ книгѣ Левитъ, именно отъ Моисея предполагается или констатируется также во многихъ другихъ мѣстахъ Евангелія и Апостольскихъ писаній: такъ, евангельскій рассказъ о Срѣтении Господнемъ законъ объ очищеніи жертвами родильницы при святилищѣ возводитъ къ Моисееву установленію (Лук. II, 22—24, ср. Лев. гл. XII); рассказъ объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ и о посольствѣ ихъ Господомъ къ священникамъ (Лук. XVII, 12—14) всецѣло предполагаетъ Моисеево происхожденіе отдѣла книги Левитъ (гл. XIII—XIV) объ отдѣленіи прокаженнаго отъ другихъ людей и объ очищеніи выздоровѣвшаго отъ проказы (Ср. еще Лев. XXVI, 12 и 2 Кор. VI, 16).

Въ новое время, именно во второй половинѣ XIX вѣка, указанное церковное, традиціонное возрѣніе на происхожденіе книги Левитъ, какъ и всего Пятикнижія, подверглось критикѣ и отрицанію со стороны такъ называемыхъ теоретиковъ развитія или сторонниковъ принципа эволюціи въ области библейской науки. Новая библейская критика въ лицѣ К. Графа, Ю. Велльгаузена, А. Кюлена, Д. Драйвера, Г. Корниля и др. утверждаетъ, что все Пятикнижіе или, по ея терминологіи (съ присоединеніемъ къ Пятикнижію книги Иисуса Навина), „Шестикнижіе“ (Hexateuch) въ настоящей своей редакціи имѣетъ происхожденіе позднѣйшее—произошло не ранѣе конца вавилонскаго плѣна, даже послѣ него, около половины V-го дохристіанскаго вѣка, что особенно поздняго происхожденія та часть этого большого произведенія (размѣры и границы ея неодинаково опредѣляются у разныхъ изслѣдователей), которая главнымъ образомъ посвящена описанію и нормированію богослужебнаго культа, религіознаго ритуала, священства и под.,—такъ называемый „священническій кодексъ“ (Priestercodeх), центральную и главную часть

котораго образуетъ книга Левить¹⁾, и что какъ вообще отдѣльныя части Пятикнижія произошли въ разное время, на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, такъ, въ частности, и книга Левить не есть произведеніе одного писателя: въ ней, на- примѣръ, отдѣлы гл. XVII—XXVI, такъ называемые „законы о святости“ (Heiligkeitsetze) явно отличны по содержанію, характеру и изложенію отъ первой части, въ которой, въ свою очередь, выдѣляютъ меньшіе отдѣлы (напр. главы VI—VII, XVI и др.), которые, будто бы, не могутъ быть приписаны одному писателю рядомъ съ другими отдѣлами.

Главный аргументъ этой „исторической“ библейской критики (смѣнившей собою прежнюю „литературную“ критику библейскую) противъ подлинности книги Левить или написанія ея пророкомъ и законодателемъ Моисеемъ—недостаточность, малочисленность свидѣтельствъ историческихъ ветхозавѣтныхъ книгъ о соблюденіи законовъ „священническаго кодекса“ въ исторической жизни библейскихъ евреевъ, особенно во времена доплѣнныя. Но этотъ *argumentum e silentio* отнюдь не имѣетъ непреодолимой силы: скудость упомянутыхъ свидѣтельствъ въ Ветхомъ Завѣтѣ удовлетворительно объясняется особымъ характеромъ и особою цѣлію ветхозавѣтныхъ историческихъ писаній, отнюдь не ставившихъ своею задачею всестороннее воспроизведеніе всего религиознаго и богослужебнаго уклада библейскаго Израиля въ раз-

¹⁾ Вотъ, на примѣръ, какъ опредѣляется составъ Priestercodex'a у С. Н. Cornill'я: Быт. 1, 1—2, 4а. 5, 1—28. 30. 6, 9—22. 7, в. 11. 13—16а. 17а. 18—21. 23б. 24. 8, 1—2а. 2б—5. 13а. 14—18. 9, 1—17. 23—29. 10, 1—7. 20. 22—23. 31—32. 12. 4б—5. 13, в. 11б—12а. 16, 1а. 3. 15—16. 17. 19, 19. 23. 21, 1б. 2б—5. 23. 25, 7—11а. 12—17. 19—20. 23б. 26. 34—35. 28, 1—9. 29, 24. 23б—29. 30, 22а. 31, 13. 33, 13а. 35. 6а. 9—13. 15. 22б—29. 36, 1. 3б—8. 40—43. 37, 1—2а. 41, 46—48. 46, 6—7. 8—27. 47, 5—6а. 27б—28. 48, 3—6. 49, 1а. 23б—33. 50, 12—13. Исход. 1, 1—5. 7. 13—14. 2, 23—25. 6. 7. 1—18. 19—20а. 21б—22. 8, 1—3. 11а—15. 9, 8—13. 11, 9—10. 12, 1—20. 23. 37. 40—41. 43—51. 13, 1—2. 14, 1—4. 9—9б. 10б. 13—18. 31—23. 26—29. 16, 1—3. 6—7. 9—20. 22—24. 32—35. 17, 1. 19, 1—2. 24, 15—18а. 25, 1—31. 13. 34, 29—36. 35—40. Левить—вся книга. Числ. 1, 1—10, 28. 13, 1—17. 21. 25—26. 32. 14, 1—4. 5—7. 10. 26—28. 15—20, 1—13. 23—29. 21, 10—11. 22, 1. 25, 6—31, 5а. 32, 1—4. 16—22. 33, 1—49. 33, 59—36, 13. С. Н. Cornill, Einleitung in das Alte Testament. 2 A. Freiburg i. B. 1892, S. 28.

для эпохи его исторіи. Кроме того, и немногочисленныхъ и, какъ-бы случайно встрѣчающихся въ историческихъ книгахъ вѣдѣній объ исполненіи тѣхъ или иныхъ предписаній закона достаточно для подтвержденія исторической достовѣрности и изначальнаго, древняго существованія законодательнаго кодекса Моисеева. Такъ, о существованіи обѣта назорейства, законъ, о которомъ изложенъ въ книгѣ Числь (VI, 2—21), говорятъ историческія книги (въ исторіи Самсона, Суд. XIII, 5 и слѣд., въ исторіи прор. Самуила—1 Цар. I, 11 слѣд.), свидѣтельство которыхъ для своего и для болѣе ранняго времени подтверждаетъ и пророкъ Амосъ (Ам. II, 11—12); о соблюденіи закона о праздникахъ, изложеннаго въ книгѣ Левить (гл. XXIII), также есть свидѣтельства въ историческихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ (Суд. XXI, 19. 3 Цар. IX, 25. XII, 32—33. 4 Цар. XXIII, 21 сл. и др.); о соблюденіи постановленій о празднованіи субботнаго года, изложенныхъ въ книгахъ Левить (XXV, 1—7а. 20—22) и Второзаконія (XV, 1—11),—во времена непосредственно послѣ плѣна вавилонскаго (Неем. X, 31), но, конечно, и во времена доплѣнные, такъ какъ объ установленіи этихъ постановленій впервые послѣ плѣна совершенно нигдѣ не намекается, наоборотъ, всюду институтъ субботнаго года представляется древнимъ, Моисеевымъ учрежденіемъ, соблюдавшимся народомъ Божиимъ въ извѣстныя эпохи его исторіи съ особенною ревностью и строгостью (1 Макк. VI, 49. 53, см. *Иосифа Флавія*, *Иуд. древн.* XII, 9. 5; ср. XI, 8; 6. XIII, 8, 1. *Иуд. В.* I, 2; 4. *Сн. Древн.* XIV, 10; 6. 16; 2. XV, 1; 2).

Вообще,—не входя въ рѣшеніе общаго тяжеловѣснаго вопроса о древности и подлинности всего Пятиокнижія Моисеева¹⁾, мы собственно въ отношеніи книги Левить утверждаемъ,

¹⁾ Обстоятельные трактаты въ пользу древности и подлинности Пятиокнижія имѣются напр у *Вигуру*, *Руководство къ чтенію и изученію Библии*, т. I (р. п. М. 1897, стр. 276 и дал.) и у *Жданова*, *Изъ чтеній по Священному Писанію Ветхаго Завета* (Сергіевъ Посадъ 1914, стр. 44 сл.).

что происхождение ея въ древнѣйшую, начальную эпоху національно-теократическаго бытія Израили—въ вѣкъ Моисеи и именно отъ него, является съ разныхъ сторонъ болѣе вѣстивымъ и повѣстнымъ, чѣмъ въ какую-либо пору послѣднѣшняго періода іудейскаго народа. Религіозно-культурныя и народно-бытovyя черты ветхозавѣтной теократіи, отобранившася въ цѣломъ содержаніи книги Левить, несутъ на себѣ безспорный колоритъ глубокой древности и менѣе всего могутъ быть приурочены по своему происхожденію къ столѣтій поздней эпохѣ какъ VI, V или даже IV-й вѣка до Р. Хр. Въ самомъ дѣлѣ, Египетъ и Ассиро-Вавилонія—эти два главнѣйшіе и вліятельнѣйшіе центра культуры древняго міра—не менѣе, какъ за двѣ тысячи лѣтъ до нашей эры имѣли у себя развитой жертвенный культъ и сложно-организованное жреческое сословіе съ его широкимъ вліяніемъ (особенно въ Египтѣ) на жизнь общественную и политическую¹⁾. Мыслимое-ли дѣло, поэтому, чтобы библейскіе евреи, по даннымъ Библии и науки стоявшіе подъ значительнымъ культурнымъ вліяніемъ обѣихъ названныхъ странъ, особенно Египта (культурное вліяніе Египта и Вавилона на библейскихъ евреевъ многократно даже преувеличивалось въ прежнее и въ новое время разными историками и библенстами),—оставались въ течение цѣлаго тысячелѣтія по поселеніи въ Ханаанѣ безъ узаконенаго жертвеннаго культа и священства, безъ законовъ о ритуальной чистотѣ, о теократическихъ обязанностяхъ и податяхъ народа и под., такъ что свидѣтельства и постановленія книги Левить о жертвахъ (гл. I—VII), объ учрежденіи Моисеемъ священства у евреевъ (гл. VIII—X), о законахъ обрядовой чистоты (гл. XI—XV) и проч.—происходятъ,

¹⁾ По вопросу о значеніи жрецовъ въ древнемъ Египтѣ научно обоснованныя данныя сообщаются, напр., въ ученomъ изслѣдованіи проф. Д. И. Введенскаго, Патриархъ Іосифъ и Египетъ (Опытъ согласенія данныхъ Библии и Египтологіи), Сергіевъ Посадъ. 1914, стр. 282 и слѣд., стр. 365 и дал. О некоторыхъ египетскихъ аналогіяхъ въ идіяхъ священства и въ жертвенномъ культѣ Израила можно читать у F. Ancassi, L'Egypte et Moïse. Paris. 1875.

будто бы, лишь изъ пятого вѣка до Р. Хр.? Въ дѣйствительности, только при признаніи древняго происхожденія этихъ постановленій и законовъ въ вѣкъ Моисея можно удовлетворительно понять смыслъ и значеніе ихъ въ цѣломъ и въ частностяхъ. Такъ, свидѣтельство Лев. VIII, 12 о посвященіи Аарона въ санъ первосвященника чрезъ помазаніе „елеемъ помазанія“ (*שמען-галамша*) и обусловленное этимъ наименованіе его въ Лев. IV, 3. XXI, 10 „священникъ помазанный“ (*кохен-галамшах*) могли произойти только изъ древнѣйшей, во всякомъ случаѣ доплѣнной практики поставленія древнееврейскаго первосвященника,—такъ какъ послѣ вавилонскаго плѣна поставленіе первосвященника не соединялось съ помазаніемъ елеемъ, а ограничивалось однимъ лишь нареченіемъ и облаченіемъ поставляемаго въ одежды, присвоенныя сану первосвященника (Зах. III, 1—5).

Въ книгѣ послѣплѣннаго происхожденія совершенно не могло бы быть рѣчи объ Уримѣ и Туммимѣ (Лев. VIII, 8 ср. Исх. XXVIII, 30), которые послѣ вавилонскаго плѣна не составляли уже дѣйствительной принадлежности первосвященническаго служенія и облаченія и даже представлялись для большинства евреевъ чѣмъ-то пейснымъ и темнымъ, хотя и служили тогда предметомъ надежды и горячаго ожиданія народа (1 Езд. II, 63 Неем. VII, 65, ср. 1 Макк. IV, 46. XIV, 41); сохраняло силу лишь символическое значеніе Урима и Туммима, о чемъ говоритъ Иисусъ сынъ Сираховъ („разумный человекъ вѣритъ закону, и законъ для него вѣренъ, какъ отвѣтъ Урима“. Сир. XXXIII, 3¹). Равнымъ образомъ въ книгѣ, писанной послѣ плѣна, неумѣстно быто бы упоминаніе и о самомъ Ковчегѣ Завета (Лев. XVI, 2) во Святомъ Святыхъ, такъ какъ во второмъ Иерусалимскомъ

¹) Въ Мишиѣ объ Уримѣ и Туммимѣ сохранилось такое свидѣтельство: „съ тѣхъ поръ какъ умерли первые пророки, прекратились Уримъ и Туммимъ“ (Сота XI, 12).

храмѣ, согласно пророчеству Іереміи (Іер. III, 10), Каменный Завѣтъ уже не было, и онъ былъ замѣнецъ обетованнаго камнемъ, извѣстнаго въ іудейскомъ преданіи подъ именемъ „Камня основанія“ (*эвен—шети́йя*).

Далѣе, совершенно безцѣльно и немислимо было бы появленіе послѣ плѣна и законодательства объ юбилейномъ годѣ (Лев. XXV, 10 слѣд.), коль скоро извѣстно изъ свидѣтельства іудейскаго преданія, что юбилейные годы послѣ вавилонскаго плѣна фактически не праздновались, а лишь считались для регулированія счета и порядка годовъ субботнихъ. Излишне также было бы приурочивать происхожденіе всѣхъ такъ называемыхъ „законовъ о святости“ (Лев. XVII—XXVI гл.) къ послѣплѣнному періоду и вообще къ времени, болѣе позднему, чѣмъ въ какое произошли другія части книги Левитъ: органическая связь ихъ съ законами о жертвахъ и съ другими постановленіями и частями книги Левитъ дѣлаетъ совершенно напраснымъ предположеніе о разновременномъ и позднѣйшемъ ихъ происхожденіи, коль скоро всему этому отдѣлу и отдѣльнымъ статьямъ его, несомнѣнно, присуща печать глубокой древности. Въ этомъ отношеніи характерно признаніе Баудиссина (вслѣдъ за Дильманомъ и Киттелемъ); допуская разновременное происхожденіе Пятокнижія и въ частности книги Левитъ, онъ, однако, по поводу „законовъ о святости“ замѣчаетъ: „въ собственно законоположительныхъ частяхъ я, вопреки мнѣнію большинства новыхъ ученыхъ, согласно считающихъ ихъ послѣплѣнными, нахожу только такія указанія на современныя обстоятельства, которыя говорятъ за дополненное написаніе. Сюда относятся требованіе, чтобы всякое закланіе животныхъ совершалось на святомъ мѣстѣ (Лев. XVII, 3—4)¹⁾. Здѣсь мы имѣемъ изъ устъ самого представителя

1) W. W. G. Baudissin, Einleitung in das Bücher des Alten Testament. Leipzig. 1901, S. 147.

библейской критики невольное признаніе неизбежности церковно-традиціоннаго воззрѣнія на древнее происхожденіе книги Левитъ, а вмѣстѣ и всего Пятикнижія, и—его ipso—непріемлемости предположеній критиковъ о послѣдствѣнномъ написаніи большей части Пятикнижія,—такъ называвшаго „священническаго кодекса“.

Помимо сказаннаго, были бы совершеннымъ анахронизмомъ для послѣдствѣннаго періода нерѣдко встрѣчающіяся въ книгѣ Левитъ предупрежденія и прещенія противъ разныхъ видовъ египетскаго и ханаанскаго идолослуженія (Лев. XVII, 7. XVIII, 21. XIX, 4. XX, 2 слѣд. XXVI, 30): послѣ плѣна никакихъ хананейскихъ культовъ въ Палестинѣ уже не существовало, а религіозное вліяніе на евреевъ со стороны египтянъ тогда было дѣломъ далекаго прошлаго. Съ другой же стороны въ „священническомъ кодексѣ“, частіе и въ книгѣ Левитъ нѣтъ напр. упоминанія объ обязанности библейскихъ евреевъ въ три великіе праздника года являться къ святилищу,—о чемъ говорится въ другихъ частяхъ Пятикнижія (Исх. XXIII, 17. XXXIV, 23. Втор. XVI, 16), между тѣмъ послѣ плѣна этому закону усвоилось особенно важное значеніе, и онъ соблюдался у евреевъ очень строго до временъ евангельскихъ (Лук. II, 41—51).

Съ критической стороны указывали, наконецъ, на нѣкоторую несогласованность между книгою Левитъ и книгою пророка Іезекіиля въ свидѣльствахъ ихъ о жертвенномъ культѣ и вообще религіозномъ ритуалѣ, какъ на доказательство противъ древняго, доплѣннаго существованія книги Левитъ. Дѣйствительно, въ частностяхъ своихъ идеальнѣйшій планъ пророка Іезекіиля о будущемъ устройствѣ ветхозавѣтной теократіи (Іез. XL—XLVIII) и въ частности жертвенный культъ, начертанный въ упомянутомъ планѣ пророка (Іез. XLIII—XLVI), значительно отклоняется отъ жертвеннаго ритуала Пятикнижія, частіе, такъ называемаго священническаго кодекса,—и это обстоятельство въ послѣдствіи, по за-

исключенія уже библейскаго канона, послужило даже для въ-
 которыхъ раввиновъ основаніемъ для требованія исключенія
 книги прор. Іезекіиля изъ канона. Но это требованіе нера-
 зумной ревности было по справедливости отвергнуто общимъ
 возрѣніемъ іудейской синагоги, на томъ основаніи, что по
 существу жертвенный ритуаль пророка тождественъ съ ри-
 туаломъ Торы (*Chagiga* 13а; ср. *Menachot* 45а Schabb. 136).
 Отсюда видно, что для іудейской синагоги не было и во-
 проса о древнемъ, Моисеевскомъ происхожденіи книги Ле-
 вить, если даже данныя таинственнаго видѣнія пророка ею
 измѣрялись степенью соответствія законоположеніямъ Мо-
 сеса. Крімъ того, внимательное и безпристрастное сличеніе
 религиозно-богослужебныхъ чертъ содержанія книги пророка
 Іезекіиля съ книгою Левить открываетъ въ послѣдней кон-
 кретныя черты первобытной древности, естественно не по-
 вторяющіяся уже въ пророческой книгѣ. Такъ, нерѣдко
 встрѣчающіяся въ книгѣ Левить, выраженія о жертвѣ:
 „хлѣбъ Божій“ (*лехем—Элоим*) и: „благоуханіе пріятное
 Господу“ (*реах ниhoaх ла-Іеюва*) совершенно не имѣютъ
 мѣста у пророка Іезекіиля въ его описаніи жертвеннаго ри-
 туалла обновленной теократіи.

Такимъ образомъ, священная древность и каноническое
 достоинство и значеніе книги Левить нимало не поколеб-
 лены и разрушительной критикой нѣмецкаго запада.

Прот. А. Глаголевъ.